

MINICITID

СУЛТАНБЕДИТЫ И БОРЬБА ЗА ДРЕВНИЕ КОЧЕВЬЯ

Зиябек КАБУЛЬДИНОВ, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова

В 1854 году на правом берегу Иртыша был создан Семипалатинский внутренний округ. Его создание было результатом многолетней борьбы степняков за возвращение древних кочевий. Большая заслуга в этом Султанмамета (1710–1794) (влиятельный султан Среднего Прииртышья, старшина кыпчакского улуса, двоюродный брат хана Абылая, зять Абулмамбет хана) и его потомков, которые в первой половине XIX века последовательно боролись за возвращение правобережных земель казахскому народу.

Известно, что в 1716–1720 годы в период казахско-джунгарского противостояния Российская империя создала сеть укрепленных военных линий на правом берегу Иртыша. Именно в эти годы начались запреты казахам перекочевывать на правом берегу Иртыша, которые были исконно казахскими землями, временно оккупированными джунгарами. В 1765 году командующим сибирскими линиями на левобережье Иртыша была отмежевана десятиверстная полоса земли, куда доступ степнякам был категорически запрещен. Казахи стали активно проникать на правом берегу Иртыша. Российская империя подумывала и о том, чтобы разделить единый Средний жуз на две части, используя традиционный имперский способ «разделяй и властвуй». Поэтому с 1771 года на правом берегу Иртыша на временной основе стали переходить заметное число казахов с табунами лошадей.

А в 1788 и 1798 годах царское правительство начало выдавать им официальные разрешения для перехода на правобережную сторону на постоянной основе, на так называемую «вечную кочевку». Во-первых, это делалось с целью ослабить власть Уали хана. Во-вторых, в случае дальнейшего игнорирования просьб казахов о переходе на внутреннюю сторону существовала угроза их откочевки в пределы Китая.

В-третьих, правом берегу Иртыша представляло собой территорию, на которую российские крестьяне в то время практически не переселялись. Об этих переселениях пишет семипалатинский краевед Н. Коншин: «Первоначально такое переселение за линии допускалось лишь по царским указам. Так, в 1788 г., вследствие представления начальника пограничных линий генерала Огарева, было разрешено перейти для кочевки за Иртыш некоторым «преданным» России казахам. В 1798 г. Указом Павла I было предоставлено право всем казахам Средней Орды, которые изъявляют желание перейти в русское

подданство, занять местность между Омской и Семипалатинской крепостями, вследствие чего на правую сторону Иртыша перешло около 15 тысяч кибиток, занявших Кулундинскую степь»

Особую активность при переселении на правую сторону Иртыша проявили дети покойного Султанмамета султана в лице, к примеру, Шаншара, которому даже построили по его просьбе дом и мечеть. Об этом хорошо написал тот же Н. Коншин: «В 1802 году султану Чанчару Султанмаметеву не только было разрешено перейти Иртыш, но даже было предписано построить для него между форпостами Семейским и Кривым дом и мечеть. Единственная повинность, которой были обложены поселявшиеся на правой стороне Иртыша казахи, заключалась в уплате натурой 1 процента со скота. Этот платеж получил название «ремонтной пошлыны», так как поручавшиеся лошади шли на «ремонт» войскового конского состава. Движение за Иртыш продолжалось уже без всяких указов дальше, задолго до заселения крестьян-переселенцев. Правобережье, за исключением Иртышской линии, было заселено казахами. Впрочем, казахи селились и на линии за арендную плату к русским казакам, а также устраивали свои зимовки и в 10-верстной полосе». Правобережных казахов российские власти стали называть «верноподданными», «внутренними», или «станичными». Они управлялись своими султанами и родоправителями, во главе которых стоял потомки влиятельного правителя Султанмамета. А территорию, которую они занимали, называли «Землей верноподданных киргиз». Степные казахи стали называть их «ішкі қазақтар» («внутренние казахи») или «подданными». Между левобережными и правобережными казахами по-прежнему заключались брачные отношения. «Внутренние» казахи нередко хоронили своих умерших родственников на степной стороне на древних кладбищах своих предков. Показываясь в русских селениях на «добрых» конях, они хорошо одевались. Гостей или чиновников местной администрации они угощали чаем, кумысом и сухофруктами, которые доставлялись из Бухары и Ташкента. В самом начале XIX века «внутренние» казахи сделали попытку прибрать приграничную торговлю в свои руки. Но со стороны региональных колониальных властей они встретили активное противодействие. К 20-м годам XIX века численность «внутренних» казахов дошла до 12 тысяч человек. Большинство из них занимались скотоводством, небольшая часть – земледелием и торговлей. У «внутренних казахов» насчитывалось 2250 хозяйств. Они имели 1200 голов верблюдов, около 70 тысяч лошадей, 13 тысяч голов крупного рогатого скота и 14 тысяч овец. Об этом хорошо написал историк С. Броневский: «Таким образом, обретая покой и надежное покровительство, нарочито размножились и обогатились; есть теперь между ими и солтаны, знатнейшие из них: Урусы, Татеновы и

Чанчаровы; многие из верноподданных киргизцев имеют до 1000 лошадей, столько же рогатого скота, а баранов бесчисленное множество. Они по сие время не несут никаких податей и повинностей.

По учреждению же о Сибирских губерниях 1822 года, приписаны к казачьим станицам и по миновании льготных лет, т. е. в 1826 году будут платить ясак, наравне с теми киргизцами, кои вошли в состав внешних округов Омской области, т. е. с каждой сотни лошадей, рогатого скота и баранов, по одной штуке. Станичные киргизы занимают кочевьями своими места, как удобные для скотоводства, между линиею и крестьянскими селениями. Степь между рек Иртыша и Оби, на расстоянии 500–400 верст в ширину, и около 600 в длину, будучи пустая, ими наполнена. Некоторые сверх скотоводства, занимаются хлебопашеством, это невольно ведет их к оседлой жизни. По сему есть у небольшого числа дома, иным, за особенное усердие и заслуги, построены таковые от казны, в намерении приохотить к постоянной жизни, но благодетельное сие действие оказывает еще слабые успехи... Степные киргизы, почитая станичных вероломными беглецами, вообще их ненавидят, слово «подданный», обратилось в бранное; первый в укоризну обыкновенно говорит: я Адам (т. е. человек), а ты поддан. Станичные киргизы менее виновны против степных, безопасно к ним ездят, берут у них и дочерей в замужество. Сила привязанности к отчизне, еще столь над ними господствует, что они тела умерших не погребают на российской границе, а перевозят иногда и с трудом, из отдаленности на заграничную, и там предают земле. ... Охотно покоряются властям, кротки и миролюбивы... Довольно ознакомившись с россиянами, ведут жизнь более порядочную, гораздо опрятнее себя держат и, показываясь в русские селения, одеваются щеголевато, на добрых лошадях. За великую честь поставляют себе, если начальник, по их приглашению посетить их: угощение чаем, вином, кумысом и сухими плодами из Бухарии и Ташкении привозимыми предлагаются с усердием. Старожилу Сибирской линии нельзя без восхищения смотреть на переход сих киргизов от крайней нищеты к довольствию. Они платят теперь россиянам за признание добрым гостеприимством и доставлением лучших своих изделий и тучного скота». На всем протяжении первой половины XIX века на территории внутренних губерний России, в том числе и в западносибирском регионе, продолжался процесс роста казахского населения. Например, только в 1838 году в трех внутренних округах Томской губернии кочевало более 30 тысяч казахов, а в соседней Тобольской – около 20 тысяч, которые управлялись потомками султана Султанмамета

К 1951 году, по результатам 9-ой ревизии, только на одной территории Семипалатинского округа Томской губернии находилось 18985 казахов

обою пола. В их пребывании были свои особенности. Они не платили царскому правительству никаких налогов, за исключением тех, кто был приписан к внешним округам. Правобережные казахи с самого момента перевода на правую сторону Иртыша не имели своего отдельного управления.

В период обострения отношений между номадами и переселенческим крестьянством остро поднимался вопрос : какой власти им подчиняться – губернской, горнозаводской (кабинетной) или казачьей. Царская администрация начала запрещать «внутренним» казахам контактировать со своими степными соплеменниками. За переходы через пограничную линию их обязывали уплачивать ремонтную пошлину. В условиях ограниченного контроля властей номадов стали подозревать в конокрадстве. Поэтому были неоднократные попытки выселить правобережных казахов на степную сторону. С момента ликвидации ханской власти в степной части Северо-Восточного Казахстана один за другим стали появляться внешние округа. С этого времени правобережные казахи стали настойчиво обращаться к местным властям с просьбой создать для них отдельное управление в виде «Степной думы». Но решение этой проблемы затягивалось. Конфликты между правобережными казахами, с одной стороны, и крестьянами Томской губернии, сибирскими казаками – с другой, усиливались. Получило заметное распространение такое явление, как конокрадство. Как правило, в угоне крестьянского скота обвиняли, в первую очередь, «внутренних» казахов.

Невозможность выселить верноподданных казахов, постоянные обвинения их в конокрадстве, имевшие место злоупотребления чиновников разных ведомств по отношению к автохтонным жителям региона, неоднократные заявления казахов об отсутствии у них своего управления не могли не заставить царскую власть к середине 50-х годов XIX века прийти к важной идее о необходимости скорейшего создания на правобережье Иртыша особого управления. Но на это ушло несколько десятилетий. Кроме того, нельзя не отметить обширность территории, которая должна была ежегодно «обозреваться» пограничным начальником. Вот как об этом пишет известный русский ученый М. М. Красовский: «...местное начальство убедилось в невозможности тронуть киргизов с мест, ими занимаемых, но оставляя их внутри линии, необходимо было перейти к новому устройству, как их и остальной степи. На последнюю мысль наводила и обширность территории, не позволявшая пограничному начальнику сибирских киргизов выполнять возложенные на него законом обязанности... недостаток времени при этих осмотрах... лишал пограничного начальника возможности посещать даже и некоторую часть киргизских кочевий с тем, чтобы

вникнуть в быт народа...» . И так, на протяжении всего этого времени «верноподданные» или «станичные» казахи, кочевавшие на российской стороне, не имели своего управления, что порождало массу нерешенных проблем. Например, в условиях отсутствия каких-либо управленческих структур, официально учрежденных царизмом, внутренние казахи «управлялись» различными ведомствами: земскими, казачьими и кабинетными, что не могло не отразиться на ухудшении их социально-правового положения. Это можно усмотреть и из предписания генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова чиновнику особых поручений Трофимову от 30 июня 1839 года: «...в ведении бывшей Омской области в Семипалатинском и Омском округах, Томской губернии Бийском, Колывановском, Барнаульском и Каинском округах и Тобольской губернии Курганском и Ишимском округах находятся во многом числе такие верноподданные киргизы, которые постоянной отведенной для них земли не имеют, но, быв расположены с весьма давних лет кочевкою внутри их округов ... ни к одному из устроенных внешних округов не принадлежат, не существует между ними того порядка, какой предписан в уставах о сибирских киргизах и о сибирских инородцах...»

Трофимовым была проделана значительная работа по сбору различных материалов, касающихся численности внутренних казахов, состояния их хозяйства, взаимоотношения с крестьянским и казачьим населением. Особого внимания заслуживают его предложения о наделении казахов своим Управлением и выделения им постоянной территории. На наш взгляд, именно его обстоятельные сообщения руководству края о необходимости принятия кардинальных мер по решению этих проблем сдвинуло с «мертвой точки» дело о создании у них отдельного управления. В ходе этой экспедиции он встречался с местными старшинами, в том числе и потомками Султанмамета, в частности, с влиятельным султаном Ханкожой. В этой связи нельзя не упомянуть довольно смелые предложения Трофимова по обустройству внутренних казахов, которые, кстати, потом легли в основу структуры будущего Семипалатинского внутреннего округа: «...я полагаю, что как для удержания между киргизами и по дорогам чрез них кочевья необходимого порядка, и для разбора споров их с русскими и обоюдных претензий, а также продолжения и окончания, начатых уже и вновь возникнуть могущих следствий, впредь до образования тут постоянного управления, полезно было бы ныне же всю прилинейную степь до заводских округов и кочевья киргиз на самой линии от Омска до Усть-Каменогорска разделить на три части, и каждую поручить особому чиновнику, придав им для содержания из линейного войска по одному уряднику и по три казака...» . Интересны предложения Трофимова о порядке подчинения предполагаемого «внутреннего киргизского округа»: «...по предубеждению киргиз внутренней степи против

соседствовавшего с ними Управления Горного Ведомства, причислить новый округ не к Томской, а к Тобольской губернии, подчинив его тамошнему гражданскому губернатору и губернским присутствиям...» [8, Л. 759]. Конечно, на такой шаг правительство пойти никак не могло ввиду отдаленности Тобольска – губернского центра, так же, как и на создание сразу трех внутренних округов для управления верноподданными казахами. Вместе с тем, сама подготовительная работа на этот счет началась. В начале 50-х годов XIX века царизм перешел к активным административным реформам в Казахстане и в сопредельных с ней российских губерниях. Было подавлено восстание под руководством хана Кенесары, и теперь царская власть могла приступить к активным преобразованиям, в том числе и по открытому смещению с властных структур чингизидов, в том числе и потомков Султанмамета : детей, внуков и даже уже правнуков, по традиции правивших левобережными и правобережными казахами. Кстати, на левом берегу, в Баянаульском округе, потомков Султанмамета не без участия царских чиновников оттеснили Шон би и Муса Шорманов, а в Каркаралинском внешнем округе был назначен также представитель «черной кости» Кунанбай Оскенбаев. А чуть позднее, в 1862 году, на должность старшего султана Атбасарского внешнего округа не был допущен просвещенный чингизид Шокан Валиханов. Работа, проведенная Трофимовым, конечно, легла в основу образованного в 1854 году Семипалатинского внутреннего округа. 19 мая 1854 года было издано «Высочайше утвержденное Положение об управлении Семипалатинской области» . Согласно третьему параграфу этого положения, «киргизы, кочующие на внутренней стороне линии Сибирского казачьего войска, по правую сторону р. Иртыша, остаются на местах, ныне занимаемых. Пространство, занимаемое сими киргизами, с включением в оное городов Семипалатинска и Усть-Каменогорска, Бухтарминского укрепления и селений по Иртышской линии от крепости Железинской до Мало-Нарымска включительно, в порядке управления образует особый округ, который именуется Семипалатинским внутренним округом Сибирских киргизов» . Вот такое большое пространство земли было отмежевано для кочевания внутренних казахов. Новый внутренний округ, как видим, был отсоединен от Томской губернии и причислен к новой Семипалатинской области. Ширина этой территории составляла примерно 300–400 верст, а длина достигала 800, простиравшаяся от Омской крепости до Усть-Каменогорской . Сразу же после выхода вышеуказанного положения были приняты конкретные меры к приведению верноподданных казахов, более полувека остававшихся без своего управления, к новой присяге. Так, 8 августа 1854 года по указанию генерал-губернатора Западной Сибири полковник Спиридонов собрал представителей внутренних казахов в станице Подпускной «в весьма значительном

числе, которым объявлено первоначально о всемилостивейшем соизволении Государя императора составить из них давно просимый Внутренний округ...» После чего им «прочитаны были с переводом на татарский язык, постановления об их управлении...»

Как видно из рапорта Спиридонова генерал-губернатору Западной Сибири от 28 августа 1854 года: «...они (казахи), выслушав это с благоговением, в присутствии моем принесли, по их обычаю, краткую молитву и, чувствуя вполне высокое попечение Правительства, изъявили душевную радость и готовность оставаться навсегда верными сынами русского отечества...» [10, Л. 129 об.]. Но реально Окружной Приказ Семипалатинского внутреннего округа был открыт и приступил к выполнению своих функций только лишь с 1 января 1855 года. И до начала работы нового Окружного Приказа земским исправникам внутренних округов было предписано, чтобы все исковые дела, в первую очередь, о конокрадстве, решать им самим на местах, не дожидаясь начала функционирования новой управленческой структуры. При этом они должны были выполнять все требования полковника Спиридонова, который должен был возглавить работу будущего Окружного Приказа.

При определении правового статуса внутренних казахов на территории нового округа было отмечено, что «внутренние сибирские киргизы принадлежат к разряду кочевых сибирских инородцев и имеют с оными кроме своих особенных равные права на всегдашнюю свободу от рекрутства и прочия (по своду закону о состояниях) обязанности, исключая участия в общих по Западной Сибири земских повинностях». Если быть еще точнее, «все правила и постановления, относящиеся до сибирских киргизов вообще и определяющие их личные права и преимущества, порядок их управления и разделения, службу по выборам, полицию, часть хозяйственную, устройство народного продовольствия, меры распространения промышленности, торговлю, устройство частей судебной, медицинской, карантинной, духовной, учебной... распространяется вполне и на внутренних сибирских киргизов...». Как видим, все же за основу был взят известный «Устав о сибирских киргизах», но с некоторыми изменениями и дополнениями. Как показывает анализ архивных и письменных источников, в отличие от внешних округов Семипалатинский внутренний округ имел особый вид управления. Что касается управленческих структур новой административной единицы, то здесь необходимо отдать должное тому же Трофимову, некоторые предложения которого, как мы уже отмечали, были также реализованы: «...для управления округом назначить окружного начальника, помощника ему, канцелярию, команду казаков из 30 человек при 2-х урядниках, и меняя их ежегодно, и нужное число участковых заседателей...».

Итак, Окружной Приказ состоял из окружного военного начальника, который выступал в роли председателя Окружного Приказа, старшего султана, выступавшего в роли «товарища» председателя (заместителя), трех российских и одного казахского заседателя. Как видим, в верхней исполнительной структуре власти значение представителей казахской знати было сведено к минимуму, в том числе и султанского происхождения, чего, кстати, мы не встречали во внешних казахских округах. Это обстоятельство мы склонны объяснять тем, что Семипалатинский внутренний округ находился на территории бывшей Томской губернии в окружении иртышской казачьей линии и переселенческих крестьянских деревень. Также царская власть, на примере управления внешними казахскими округами, имела к этому времени достаточный опыт для того, чтобы вводить существенные коррективы в управление новым административно-территориальным образованием подобного типа, далеко идя по пути дальнейшей колонизации Казахстана и сопредельных территорий, открыто смещая от власти потомков Чингисхана. Как известно, последние с самого начала XIII века бесменно управляли казахскими улусами, жузами и ханствами. Хотя еще в 1834 году наиболее влиятельные казахские султаны и старшины открыто писали Омскому областному начальнику о необходимости создания на внутренней стороне Степной Думы «с тем, чтобы она состояла... из главного родоначальника и двух или трех заседателей от киргиз по выбору общества...». Но их просьбы оказались не услышанными. Окружной Приказ непосредственно подчинялся Пограничному начальнику и Пограничному управлению. Окружной начальник назначался из армейских или казачьих штаб-офицеров по избранию генерал-губернатора Западной Сибири и утверждался «Высочайшим Приказом» по представлению Министра Внутренних дел. Власть поддерживалась внутренней стражей из казаков линейного казачьего войска в расположении 7 и 8-го казачьих полков. Как видим, управление носило чисто военный характер. Даже во внешних казахских округах элементов гражданской власти было больше, нежели здесь на территории, казалось бы, бывшей гражданской губернии. Для сравнения отметим, что в другой внутренней этнотерриториальной единице, каковой была Внутренняя Орда в междуречье Волги и Урала, после отмены там ханской власти также происходило нечто подобное. 24 января 1858 года Временный Совет по управлению Бокеевской Ордой был коренным образом преобразован. Председателем Совета был назначен также русский чиновник. То есть в плане колониально-национальной политики случай с Семипалатинским внутренним округом не был региональным экспериментом, скорее всего это было проявлением общего колониального подхода в решении проблем, связанных с управлением нерусскими народами. В данном случае, правительством был взят курс на однозначное смещение потомков

Чингисхана от управления номадами. Что касается административного деления Семипалатинского внутреннего округа, то оно примерно совпадало с административным делением внешних казахских округов: округ делился на волости, а волости на аулы. Аул состоял в среднем из 50-70 кибиток, а волость – из 10–12 аулов. Волости управлялись султанами или авторитетными казахами. Кстати, допуск к управлению волостями уважаемых казахов наряду с султанами свидетельствует о том, что царизм, в условиях нахождения казахов на территории внутренних губерний России, открыто встал на путь ликвидации сословных привилегий одного из самых влиятельных сословий традиционного казахского общества – султанов. Поэтому неслучайно, что царская администрация, открыто попирая интересы султанской группировки в новой административно-территориальной единице, старшим султаном назначила Токпана Айтуарова, чиновника местной администрации не султанского происхождения. Последний оказал царской власти большие услуги в проведении переписи казахского населения на правом берегу Иртыша. Повторимся: это назначение может свидетельствовать о твердой и последовательной политике царизма по постепенному смещению власти султанов. Поэтому на следующих выборах должность старшего султана занимает еще один представитель «черной кости» Туйте Нурекенев – один из самых крупных скотовладельцев на правом берегу Иртыша, представитель одного из древних казахских племен – уаков.

Особый интерес представляла судебная власть в округе как видоизменение традиционного казахского суда биев с «вкраплением» некоторых элементов российского имперского суда с институтом присяжных, чего мы не видим во внешних казахских округах. Для разбора дел, которые возникали между внутренними казахами, из каждой волости выбирался один присяжный, и из числа наиболее уважаемых родоправителей – бий, который утверждался в этом звании Окружным Приказом. Суд проходил под председательством присяжного бия в присутствии двух других биев от двух тяжущихся сторон. Присяжный бий мог решать дела и единолично при согласии обеих сторон. Решения биев могли быть обжалованы в Окружном Приказе, который имел право вынести решение с привлечением трех биев-присяжных или приступить к производству дела следственным порядком. Переплетаясь с традиционным институтом местного права, колониальное право было сложным и противоречивым. Оно представляло из себя эклектическое смешение норм российского права с традиционным казахским, которое, в конце концов, должно было привести к полному вытеснению последнего. Пристального внимания заслуживает и порядок выборности в Семипалатинском внутреннем округе. Старшины и волостные управители избирались на

неопределенное число лет и утверждались соответственно Окружным Приказом и Пограничным начальником. Старший султан и казахский заседатель избирались на три года и утверждались, с одобрения Пограничного начальника, генерал-губернатором. Но право участвовать на выборах старших султанов и заседателей, а также быть избранным, предоставлялось всем султанам, волостным управителям и казахам, имеющим чины и медали. Как мы видим, по сравнению с внешними округами имелись некоторые отличия. Во-первых, полномочия старшин и волостных управителей не ограничивались тремя годами, когда отсутствовал четкий механизм снятия их в случае, если они переставали удовлетворять интересам местного населения. Можно предположить, что длительность пребывания их на своих должностях зависела от лояльности к ним представителей царской администрации. Во-вторых, на должности старших султанов, волостных управителей и казахских заседателей избирались как чингизиды, так и представители казахской знати, то есть царская администрация уже открыто встала на путь ликвидации султанов как сословия, о чем, кстати, свидетельствует тот факт, что вновь избранный старший султан вступал в отправление должности без соблюдения всяких обрядов традиционного казахского общества. Окружной начальник, имея полномочия земского исправника, выполнял функции Председателя Внутреннего Окружного Приказа. Он также соединял в себе права и обязанности окружного судьи. Правительство, желая оперативно решать все проблемы, связанные с внутренними казахами, наделило его военными, административными и судебными функциями. Кстати, подобная система, известная в истории как прямое колониальное управление, напоминает опыт управления Францией своими колониями на африканском континенте. Там колонии распадались на более мелкие административно-территориальные единицы – округа, во главе которых стояли чиновники из метрополии. В низшие звенья администрации колонизаторы назначали представителей местной религиозной и племенной знати, которые помогали им поддерживать порядок и обеспечивать выполнение повинностей населением колонии.

Такая же система управления, как мы уже отмечали, была характерна и для казахов Астраханской губернии после ликвидации Бокеевского ханства или Внутренней орды. После смерти хана Жангира в 1845 году управление данной ордой было передано Временному Совету. Вначале – во главе с одним из родственников Жангира, а затем – с русским чиновником, назначаемым царским правительством. В этом юридическом документе был определен и правовой статус казахов Семипалатинского внутреннего округа, отличный от правового статуса казахов внешних округов, а также тех, которые временно кочевали на территории губернских, кабинетных и крестьянских земель Томской и

Тобольской губерний. Во-первых, казахам данной административной единицы запрещалось переходить на земли крестьянских селений, так же, как и было раньше до образования данного внутреннего округа. Тогда степнякам, приписанным к внешним округам, было запрещено переходить на правобережье Иртыша. Кроме того, без разрешения начальства был запрещен обратный переход во внешние казахские округа. Кстати, примерно то же самое мы наблюдаем и в случае с казахами Бокеевской Орды. Существовал и запрет для казахов внешних округов передвигаться на территорию нового округа. В случае, если казахи внешних округов самовольно переходили в пределы Тобольской и Томской губернии без узаконенных билетов, то они должны были быть задержаны казахами и препровождены обратно во внешние Окружные Приказы. Те лица, которые были виновниками самовольного перехода казачьего кордона, подлежали строгому наказанию. Во-вторых, казахам Семипалатинского внутреннего округа, так же, как и их соплеменникам из внешних округов, разрешалось пребывать на 10-верстной казачьей полосе и непосредственно на землях сибирских линейных казаков с уплатой им ремонтной пошлыны.

Как видно из данных юридических предписаний, царская власть пыталась использовать казачью пограничную линию как зону предпочтительного кочевания для казахов как внутренних округов, так и внешних. За счет арендных платежей и ремонтной пошлыны царизм пополнял войсковую казну и улучшал материальное положение авангарда сил, задействованных в колонизационной политике в Азиатской части Российской империи. На территории, контролируемой казахами 7 и 8-го полков, казахское население находилось под их неусыпным вниманием и контролем. В любом деле могли быть исключения. Для казахов Семипалатинского округа была введена так называемая паспортная или билетная система в случае их желания кочевать вне пределов округа. Без билетов ни один внешний, тем более иной внутренний округ не мог принять к себе казахское население нового административно-территориального образования. Билеты выдавались Окружным Приказом. Их предъявляли местному начальству, а при возвращении обратно должны были через волостных управителей вернуть Приказу. Естественно, билеты, стоившие определенных финансовых затрат, негативно отражались на материальном положении перекочевавших казахов на фоне сохранения налоговых сборов на местах их причислений и существования арендных платежей в местах перекочевки. К тому же, один и тот же билет два и более раза использовать категорически было запрещено. Каков же был правовой статус степняков вне пределов Семипалатинского внутреннего округа? Во все время пребывания вне округа они состояли в зависимости от местного начальства, за всякий проступок или

преступление они подвергались строгому наказанию с лишением права перехода сюда в будущем. «Положение об учреждении округа для управления Внутренними сибирскими киргизами» строго регламентировало и порядок пребывания казахов в казачьих станицах и крестьянских селениях.

Во-первых, существовала иерархия билетов по сроку их выдачи и лица, от имени которого они эти билеты получали – аульный старшина выдавал билеты на срок не более 7 дней, волостной управитель мог выдать билет на 1 месяц в места, отстоящие от кочевья не далее 250 верст; а на большие расстояния и более длительный срок – только с разрешения Окружного Приказа.

Во-вторых, в билетах записывались имя, прозвище, возраст, особые приметы, причины, побуждающие к кочевке и срок выезда. Эти же данные записывались в особые шнуrowые книги, которые выдавало Пограничное Управление.

В-третьих, казахи «дурного поведения» не имели права получать от своих начальников увольнительные билеты.

В-четвертых, жители казачьих станиц и крестьянских селений обязаны были выдавать властям тех казахов, которые имели просроченные билеты, в противном случае, они подвергались штрафам и пеням.

И в случае, если виновный в «передержательстве» оказывался несостоятельным в уплате взыскания, то его уплата раскладывалась на все общество, то есть применялась мера коллективной ответственности.

Во избежание всяких недомолвок на сходах жители станиц и селений должны были извещаться о временно проживающих лицах и о сроках их пребывания. Кстати, в случае поимки казахов с просроченными билетами или без них одинаково наказывалось как местное начальство, так и кочевник-казах, первый подвергался взысканию по усмотрению начальства, второй – полицейскому штрафованию. Подобное наказание казахов Семипалатинского внутреннего округа было намного мягче наказания их соплеменников оренбургского ведомства, там за подобные нарушения подвергали ссылке в отдаленные губернии России или же отдавали в солдаты, не говоря уже о наказании плетьюми. В то же время нельзя не заметить, что казачье и крестьянское население не подвергались жестким наказаниям. 21 ноября 1866 года несколько изменился и порядок выдачи билетов в этом округе. Теперь аульный старшина мог выдать его на срок не более одного месяца, а волостной управитель мог выдать таковой в места, отстоящие от волости свыше 250 верст, сроком от 1 до 6 месяцев. А на более продолжительные сроки – от Окружного Управления, то есть «полномочия» низовой колониальной администрации были несколько расширены. 19 июня 1867 года вышеуказанное правило было скорректировано. Ранее действовавшее правило не должно было теперь распространяться на

нанимающихся в работы к сельским жителям казахов. Последние могли наняться на работы по предъявлении приговоров сельских обществ о желании крестьян нанять их к себе на работы. Они имели право переходить с разрешения генерал-губернатора и во внутрь линии. Эти изменения были продиктованы, в первую очередь, необходимостью искоренить имевшие место случаи произвола со стороны казахской аульной и волостной администрации при выдаче билетов на временные откочевки. Этими и другими военно-полицейскими мерами царская власть пыталась удержать казахов в пределах Семипалатинского внутреннего округа, всячески препятствуя им при проникновении как на территорию других внутренних округов Тобольской и Томской губерний, так и во внешние казахские округа. Как известно, до образования этого округа она также пыталась удерживать казахов в пределах Иртышской казачьей линии, ведя активные запретительные меры к продвижению казахов на правобережную сторону. Хотя никакими запретительными мерами нельзя было удержать казахов от кочевания в районах крестьянских селений. Например, родственники второго по счету старшего султана этого округа Нурекенева продолжали кочевать на территории Барнаульского округа Томской губернии, не вошедшего в состав нового округа. Функции волостных управителей и аульных старшин Семипалатинского внутреннего округа и внешних казахских округов были почти идентичными. Они выполняли функции низовой туземной колониальной администрации. Достаточно хорошо был отлажен и механизм сбора повинностей. В отличие от своих соплеменников из внешних округов казахи должны были платить ясак с 60 голов скота, который поступал в общий государственный доход. Никаких льготных лет для них установлено не было. Кроме того, существовала и ремонтная пошлина в случае пребывания на казачьей земле. К тому же, молодое поголовье при пересечении казачьего кордона не исключалось из счета. Были предусмотрены меры наказания за умышленную утайку скота. В первый раз виновных наказывали двойным ясаком и личным наказанием, во второй раз – взысканием тройной ясачной подати, а также пени в сумме 15 рублей серебром и личному судебному наказанию. Сбором ясачной подати занимались волостные управители, которые за прием ясака выдавали квитанцию с распиской и записью в особой шнуровой книге. Далее деньги шли в Окружной Приказ, а оттуда – в ближайшее Окружное казначейство. А шнуровые книги поступали в Томскую казенную палату на ревизию. Анализ механизма сбора повинностей свидетельствует, что казахи в условиях Семипалатинского внутреннего округа Томской губернии оказались в этом отношении в гораздо худшем положении, нежели их степные соплеменники, что выразилось в более жестком налоговом прессинге. По отношению к степным казахским волостям царизм не применял жесткую налоговую политику, видимо, опасаясь их отложения

в сопредельные государства или возможного их выступления. Но их соплеменники из Семипалатинского внутреннего округа оказались зажаты плотным кольцом, с одной стороны – казаков 6 и 7-го полков Сибирского казачьего войска, а с другой – переселенческими поселениями Томской губернии с довольно отлаженным к этому времени механизмом контроля за возможными возмутителями спокойствия.